Гончарова Ольга Петровна

Пережили блокаду на территории больницы имени Мечникова

Когда началась война, мне было всего четыре месяца. Жили мы на территории больницы имени Ильи Ильича Мечникова. Мой папа, Петр Симонович Костенко (1905 года рождения), работал там начальником электростанции. Мама, Глаголева Екатерина Петровна (1917 года рождения) – врачом-педиатром в яслях. Папа и мама многое рассказывали, а также писали в своих дневниках и письмах о блокаде.

Больница им. И.И. Мечникова находилась на окраине города. Она строилась шведами (с 1909 по 1914 год). Все павильоны были освещены, телефонизированы, отапливались и соединялись тоннелями. На территории больницы были два подземных хранилища воды (резервуары) с насосными станциями, свои очистные сооружения, которые после войны были разрушены. Больница имела свое подсобное хозяйство, где выращивались овощи и ягоды. Вокруг территории были огороды, пустыри, совхоз «Ручьи», хвойный лесок. Около больницы находилось кольцо трамвая № 14.

Началась война с фашистской Германией. Больница им. И.И. Мечникова была перепрофилирована в сортировочно-эвакуационный госпиталь № 2222. Вокруг госпиталя были построены платформы – рампы со сходнями, а к ним подведена железнодорожная ветка. Когда прибывали эшелоны, раненых выгружали на платформы и перевозили в санитарные пропускники, а потом распределяли по павильонам. Санитарные пропускники еще долго существовали после войны, а затем сгорели. В коридорах павильонов от палат к процедурным были проложены рельсы, по которым ходили вагонетки с носилками. Ежедневно, в определенный час ревели сирены и объявляли по радио начало воздушной тревоги. Самолеты начинали бомбить район Ржевка–Пороховые, район больницы и железную дорогу, которая связывала город с Ладожским озером.

Все, кто самостоятельно мог передвигаться, уходили в бомбоубежище. На территорию госпиталя не упало ни одной фугасной бомбы. Зато зажигательные бомбы попадали в подсобное хозяйство, в лебедку, которая запускала в лесу аэростаты. Пожары тоже случались: горела электростанция, павильон № 26 и другие сооружения.

Одна бомба касательно попала в детские ясли № 446 на Пискаревском проспекте, разрушив стену и обнажив перекрытия. Жутко и страшно было видеть кроватки с младенцами, стоящие на перекрытиях этажей. К счастью, пострадавших в этот раз не было.

Когда кольцо блокады замкнулось, начались самые трудные времена. Подступал голод. Люди использовали любые возможности, чтобы достать чего-либо съедобного. Около станции Пискаревка на территории овощной базы работал крахмальный завод. Голодные люди собирали осадок крахмала из стоков после промывки картофеля. Из этого крахмала приготавливали лепешки, блины. Их обменивали на еду и одежду. Мама говорила, что поздней осенью 1941 года кто-то вспомнил, что около овощной базы были закопаны отбросы капусты. Люди потянулись туда, откопали эту полусгнившую массу и употребляли ее для еды. Мама тоже туда пошла, но при виде этого месива не смогла преодолеть брезгливости и тошноты.

С начала войны были введены карточки на продукты и промтовары. Мяса не было, вместо него выдавали яичный черепаший (американский) порошок, весьма вкусный и питательный, вместо сахара – конфеты, иногда сгущенное молоко. Все это в очень ограниченных количествах. Весной, когда вылезла травка, мы с бабушкой собирали крапиву, лебеду. А осенью собирали красную рябину. Напротив овощной базы была деревня, небольшое кладбище и пустыри с огородами. Умерших жителей города свозили туда. Зимой рыть рвы было уже не под силу, и тогда трупы просто сваливали на землю. Так за морозную зиму образовывались целые горы трупов, засыпанные снегом. Весной, когда все растаяло, трупы оголились. Были созданы специальные бригады, в том числе жители близлежащих районов копали рвы и сваливали в них погибших.

Электростанция в госпитале № 2222 работала на жидком топливе, поэтому электроснабжение института и госпиталя сохранялось дольше, чем в городе. Наконец и мазут закончился. Рядом стояло много паровозов. Папа использовал свои знания, соединил шесть паровозов, подогнал их к электростанции. Паровозы топили углем, который сохранился с довоенных времен, и они стали вырабатывать пар для электростанции, которая, в свою очередь, обеспечила теплом и электроэнергией госпиталь и общежития персонала. Продукты кончились, овощи померзли, папа на свой страх и риск принял решение раздать по квитанциям сотрудникам электростанции и телефонной станции остатки промерзших овощей (кормовую свеклу, морковь, капусту) из подсобного хозяйства. Это его решение могло иметь тяжелые последствия, так как делать это было категорически запрещено. Когда закончилось топливо, в павильонах и общежитии установили печки-буржуйки. С целью экономии тепла и света всех раненных бойцов и офицеров было решено спустить с этажей в подвалы – бомбоубежища. Носилки и раскладушки ставили на бойлеры, на трубы и около них. Медицинского персонала катастрофически не хватало. Часть умерла, а многие лежали с дистрофией. Главный врач госпиталя попросил маму поработать терапевтом. Дежурных врачей кормили военным пайком. Давали талоны на мясо, на крупу, на консервы (из США), на сгущенное молоко. Мама опасалась, что не справится, так как до этого работала только педиатром. Но возможность получать военный паек сыграла решающую роль. Она согласилась.

При лечении раненных использовалось все возможное: отвар из елок, глицерин, глюкоза и прочее. Мама вспоминала, что в бомбоубежищах было темно, больные лежали у стен коридоров. Обход начинался с того, что раненых дергали за ногу и спрашивали: «Живой?». Умерших выносили. Питание везли из кухни (отдельное здание) по улице и через бомбоубежище. Персонал кухни часто оставался ночевать прямо на плите. Обычно емкости с пищей везли два сотрудника и закрывали их своими телами, так как в темноте к тележке тянулись руки голодных раненных. Были случаи, когда обеды воровали.

Уже в мирное время однажды по радио шла передача, посвященная ветеранам войны. Выступал некто Цыбин, который благодарил маму и считал, что она спасла его от смерти.

Многие погибшие от голода сотрудники института были похоронены при содействии моего папы на Богословском кладбище по-человечески - в гробах. В свидетельствах о смерти писался один и тот же диагноз: «от ослабления сердца», а не от дистрофии. Это тщательно скрывалось. Не одному монтеру, электрику, телефонисту папа спас жизнь. На электростанции было тепло, выдавали продовольственную рабочую карточку. Папа пристроил на работу пасынка родственницы - Маргариты Карловны Вольской - Бориса Вольского, которому было тогда 14 лет. И этим спас его от голодной смерти. Папа организовал эвакуацию жен, детей научных сотрудников института, студентов. Принимал

участие в разборках деревянных построек, и в дальнейшем по талонам раздавал их нуждающимся сотрудникам как дрова. Однажды, после разгрузки товарных вагонов на станции Кушелевка, у отца сил не хватило добраться домой. Знакомый оставил его ночевать у себя. С каким благоговением он вспоминал кружку кипятка, которую он пил в доме этого знакомого!

Из дневника папы - Петра Симоновича Костенко: «Завод имени Карла Маркса. Разбитые цеха, разбросанный инструмент, ящики и прочее. На пути к станции «Пискаревка» на обочине дороги лежат завернутые в простыни, одеяла «куколки» - трупы. Пятитонная машина с верхом груженая замерзшими голыми, полуголыми трупами. Часть их свалилась на землю. Шофер куда-то ушел. Детские саночки желтенькие, с них свисает голова без шапки, ноги в тряпье. Лицо красивое мальчишеское юное. Я почему-то думаю: «Ведь холодно, а он без шапки».

В павильоне № 26 на втором этаже в общежитии - кровати в коридорах. На них люди. Живые? Мертвые? Под лестничной клеткой лежит замерзший труп мужчины. Туда, прямо на него, сливали помои и фекалии. Все замерзло. Можно только вырубить его тело. Рядом еще кого-то свалили. Никто на это не реагирует, безразлично скользят взглядом. На лестницах лед, помои.

Пожар в 26-м павильоне. Это печи-буржуйки. Приехали пожарные, вернулись с пожара в городе. Безучастные, не спешат, медлят. Нет горючего. Дали горючее. Не работает насос. Насос запустили. Шланги замерзли. Отогрели шланги. Жители павильона № 26 переносят свои пожитки в павильон № 24. Бросают одежду, чемоданы в окна. Кто-то копается в камере хранения в вещах студентов. Пожар залили. Сгорела крыша и несколько комнат. Уже светает. Пожар окончательно потушили. Кругом грязь. Одежда, ноги грязные, мокрые. Холодно. Кружится голова.

Пожар на электростанции. Телефонистка Мария Михайловна, дельная, решительная женщина, мгновенно оповестила всех, кого надо, о пожаре. За электростанцией, под огромными земляными валами резервуары емкостью более 30 тонн с мазутом. Неужели сгорят? Какой густой едкий дым, как густая взвешенная сажа, горячая, удушающая. Истерические крики о помощи. Тащим на тележке к месту пожара, к люку в подвал огнетушители. Рабочий теряет сознание. Приказываю бросить тележку и вытаскивать его из этого задымленного машинного зала. Забелин обследует с двух сторон, нельзя ли загасить со стороны котельной. Пожарные возятся с помпой. Как все медленно. Наконец, через дверь сварочной подтянули шланги. Мой незаменимый единственный электрический фонарь. Он везде нужен, лишь он один может светить в бескислородной среде. Я ползу к котлам, к топкам. Светом указываю пожарным, куда лучше направить струи воды, пены. Пожарный задохнулся. Вытащили еле живого. Я заблудился в дыму. Ужас. Обрывки мыслей. Животный страх. Силой воли заставляю себя успокоиться. Голова у холодного пола, дыхание болезненно. Ползу прямо, думаю - выход, а там - ревущее пламя у котлов. Я заблудился. Надо влево. Ужас. Какая-то лестница. Назад. Силой заставляю себя не двигаться. Думаю. При волнении дышишь интенсивнее. Надо спокойнее. Пополз, щупая попадавшиеся предметы. С большими усилиями выполз к выходу. Голова кружится, в горле дерет. Снова к машинному залу. Пожарные не разрешают раскрывать двери подвала. Большая тяга. И без этого из подвала валит густой черный дым. Шланг с брандспойтом тащу в подвал. Пожарный задохнулся, уполз. Я вспомнил про противогаз, который мне подарил Зубков Б.И. как в нем хорошо! Обнаруживаю брошенный шланг с брандспойтом. Вода из него хлещет по полу машинного зала. Шланга не хватает. Помогают. Шорохов и еще кто-то. Я спускаюсь в кошмарно жаркий люк с брандспойтом. Вот очаг пламени. Река огня по полу подвала. Направляю на пламя

струю воды. Страшное шипение, густой обжигающий пар охватывает меня. Едва успеваю выскочить из люка. Бью струей сверху. Снова спускаюсь, бью струей на ручей огненного мазута, на стены. Основной огонь я задавил паром. Все с разных сторон тоже спускаются. Пожар потушен. Суетятся пожарные, смотрят, нет ли еще очагов горения. Бреду домой. Далее, в главную контору, писать объяснительную».

В первых числах сентября 1941-го года папа был командирован по делам службы на Волховскую ГЭС. Когда возвращался обратно, кольцо блокады замкнулось. Об этом времени у него сохранились очень тяжелые воспоминания. У него было ощущение, что немцы вот–вот ворвутся в Ленинград. Кругом хаос. Навстречу ему брели растрепанные бойцы. Один рассказывал, как он впервые побывал в бою, как было страшно, как их командир бросал гранаты и защищал раненных. Очень тревожило то, что никто его не задерживал, не спрашивал документов, не было постов. Впечатление удручающее. Рубили лес. В воздухе летали самолеты, шел воздушный бой, а особого звука не было. Вдруг один самолет упал. Чей он был?..

В Ленинграде было много беженцев из оккупированных поселков и городов. Из пригородов гнали скот: лошадей и коров. Их скопилось огромное количество в роще у кольца трамвая № 14.

Зимой 1942 года мама очень плохо себя чувствовала. У нее был выявлен туберкулез легких, но выезжать из Ленинграда не разрешали.

К этому времени папа уже похоронил трех родственников, умерших от дистрофии. Первым умер дядя мамы - Гук Константин Карлович, внук архитектора Тона. Он жил в центре города, в Дровяном переулке, с женой и ее матерью. В детстве он переболел полиомиелитом, поэтому ходил на протезах.

Из письма Константина Карловича маме, своей племяннице, от 2-го декабря 1941 года: «Радушие и гостеприимство ваше трогает меня до глубины души. Твое, Катя, внимание, особенно утром, когда я перед уходом нахожу на столе лукулловский завтрак, который заряжает меня на всю неделю бодростью и радостью жизни. Глюкоза, как сегодня попробовал, очень неплохо заменяет сахар, только надо не заливать в стакан, а в ложку, и запивать чаем. При случае спроси, имеется ли в аптеке при вашей больнице сахарин. Не забудь Пискаревки и лошади, превращающейся в конину, может, и правда можно что-нибудь в этой области сделать. Это было бы просто замечательно. Если узнаешь, что кто-нибудь меняет чтобы то ни было, поглощаемое желудком, от «дуранды» до полосы на платье, одежду, табак, папиросы или вещи, и если ты сама не используешь этой оказии, вспомни обо мне».

И уже 31-го декабря 1941 года от К.К. Гука пришло письмо, где он умоляет спасти его и взять к себе, так как он гибнет от голода и холода. Мама после работы поехала к нему на попутной полуторке (транспорт уже не ходил). Она увидела догорающий дом и обезлюдевший двор. Редки хмурые прохожие на вопрос, где жители этого дома, безучастно отмахивались: не знаем. Вернулась домой. Через два-три дня мама в тревоге за дядю утром снова отправилась в Дровяной переулок пешком, под бомбежкой, захватив свои хлебные карточки. Она узнала, что ее дядя находился у двоюродной сестры его жены, которая поместила его под роялем, где мама его и нашла в крайней степени истощения. Позже Константин Карлович рассказал: «Начался пожар в доме, дым разъедал глаза. Я сполз с кровати, сунул за пазуху дневной паек хлеба, на одну руку надел рукавицу, на другую шапку и скатился с третьего этажа по лестнице. Протезы сгорели».

Мама договорилась с двумя женщинами, чтобы они за хлебные карточки (на два килограмма) и кусочек жмыха помогли перевезти дядю к ним в больницу имени Мечникова. На следующий день они на саночках повезли его через весь город, через сугробы, под бомбежками. На середине дороги женщины стали ругаться последними словами и хотели бросить маму с дядей. Пришлось пообещать добавить им талоны на хлеб. Спасти дядю не удалось. Через месяц умерла его сестра Маргарита Карловна. Она за месяц до смерти пришла в семью мамы и сказала: «Я пришла к вам умирать».

Черняк Руслан, ученик 7-Б класса

ГОУ «Гимназия № 192»